

“Жизнь как праздник. Жизнелюбие и радости жизни.”
Семинар LT068 - 13.05.2021 г.

https://www.youtube.com/live/pqvPtD6Syss?si=lumGwY_dWcuUie0F

1.34.05

о. Андрей Лоргус:

[Говорящий 1]

Давайте начинать мы. Какой семинар у нас по счету?

[Говорящий 2]

68-й сегодня семинар.

[Говорящий 1]

68-й. Это какая-то совершенно фантастическая цифра. 68-й семинар на тему праздника.

Все-таки мы переживаем пасхальные дни, мы переживаем праздников праздника, торжества из торжеств, и у нас праздники были майские, у нас весна, жизнь торжествует, жизнь жительствоует в каждом листочке, в каждом цветочке. Особенно много поют птицы сейчас, прилетают новые, поют старые. В общем, жизнь жительствоует и как раз такое праздничное настроение.

Тема эта важная, потому что с каждым годом отношение к праздникам меняется. Но, во-первых, оно меняется в результате взросления. Считается в нашей, вот как бы в нашей среде, особенно в Москве, где я вырос, что праздник это скорее все-таки что-то детское, нежели взрослого.

С другой стороны, дети всегда радуются, когда взрослые празднуют, когда готовятся к праздникам, когда гостей принимают. И тогда дети радостные, потому что они охвачены этой взрослой подготовкой, какой-то такой особенной игрой, которую дети воспринимают как что-то очень необыкновенное в их жизни. Детям очень нравятся праздники, дети праздники любят.

Хотя устраивают праздники и душою праздника могут быть только, конечно, взрослые. То есть взрослые устраивают все веселье, все торжество, а дети наслаждаются этим. И поэтому принято считать, что радость праздника это детское чувство.

Я буду оспаривать этот тезис, потому что, на мой взгляд, настоящий праздник это взрослое чувство. Мне это очень важное событие и это напрямую связано с важнейшими параметрами личностной зрелости, которые мы с вами обсуждаем здесь. Жизнелюбие и жизнерадостность.

То без чего не бывает счастья, то без чего не бывает жизни. Всякая жизнь постепенно замирает, стареет и прекращается, когда исчезает, истощается жизнелюбие или жизнерадостность. То есть любая жизнь нуждается в воздухе, в воде, питании, в веществах, которыми восполняет организм, также она нуждается в радости и жизнелюбии.

То есть радость и жизнелюбие это не просто какие-то нравственные качества, а это фундаментальные качества личности, которые участвуют в воспроизводстве жизни. Если жизнелюбия и жизнерадостности у человека нет, то жизнь его постепенно угнетена, он впадает в депрессию. Депрессия порождает массу соматических заболеваний, в конце концов человек от обилия соматических заболеваний инвалидизируется и он уже сам не живет и своим ближним жить не дает и детей не рождает.

И таким образом жизнь угасает. Но и в самом человеке многие болезни, как говорят врачи, имеют психосоматическую природу и жизнерадостность и жизнелюбие здесь является прямым последствием вот этих двух качеств жизнелюбия и жизнерадостности. То есть иногда, чтобы вылечить больного, нужно вселить в него жизнелюбие и жизнерадостность любыми способами.

И тогда болезнь идет на поправку. Болезнь исчезает, а больной идет на поправку. Сам себе тоже это испытывал.

Лежал в больнице с очень тяжелой пневмонией и очень долго не мог вылечиться. То есть в одной только больнице 40 дней еще, дома потом примерно столько же и все не шло на поправку. И необходимо были особенные такие вот средства для того, чтобы шло на поправку весь организм.

Очень не хватало вот этих самых качеств. Так что это буквально важнейшее качество выживания. Это очень хорошо было видно на раненых солдатах во время войны.

Почему мы часто в фильмах старых замечаем концерты, самодеятельность в госпиталях. Артисты приезжают, поэты выступают, театральные коллективы приезжают. Поднять дух, вот так называемый поднятие духа солдат, это даже в армии понятно, что это такое.

А это на самом деле есть не что иное, как жизнелюбие и жизнерадостность. Стало быть, это два качества, необходимые для выживания, для жизни. Понимаете, это не что-то такое сверх того, это не что-то добавочное, а это фундаментальное качество, без которого человек заболевает.

Сегодня все знают, что в регуляции настроения человека в его эмоциональной сфере принимают участие многие гормоны. Есть гормоны счастья, есть гормоны удовольствия, есть гормоны радости, там и так далее. Так вот, жизнелюбие и жизнерадостность – это как раз те самые средства, психические средства, которые способствуют выработке этих самых гормонов.

Будет жизнелюбие, будут гормоны, будет стимуляция всего организма и для того, чтобы иммунитет поднять, и для того, чтобы справиться с обычной человеческой ежедневной обыденной жизнедеятельностью. Так вот, переходя, собственно говоря, к главной теме сегодняшнего семинара, а именно о торжествах и празднествах, которые сегодня не оспариваются, скажу, значит, сразу про праздник. Дело в том, что есть спор больше праздников или меньше праздников.

Люди, которые настаивают на том, чтобы праздников было больше, говорят обычно, что «ну вот есть у нас традиции, надо их поддерживать», что «люди очень устают на работе, надо дать им отдых», ну и так далее. То есть это за то, чтобы увеличивать праздничные и выходные дни. Наоборот, есть множество людей, которые говорят «нет, не надо никаких нам праздничных дней, мы должны работать, работать, работать, а выходные мы еще не заработали, и чем меньше праздничных дней, тем экономика будет сильнее и прибыль будет больше».

Я не экономист, и мне не очень, как-то вообще говоря, этот подход к праздникам нравится. Я антрополог и психолог, и для меня прежде всего имеет значение, нужны ли праздники самому человеку, нужны ли праздники людям. Я сам где-то в отрочестве очень скептически начал относиться к праздникам.

В детстве любил, конечно, а вот подросткам стал относиться скептически. И вообще праздники для меня потеряли интерес, потому что в этих праздниках я перестал видеть смысл. Ну там Новый год, День рождения, там самые разные политические были праздники в моем детстве, 7 ноября, День Конституции 5 декабря, Первомайские праздники, там и все такое прочее.

Затем уже в юности, в молодости у меня появились праздники церковные, и для меня это был большим воодушевлением и подъемом. Но все церковные праздники для священнослужителя, каким я являюсь, это всегда большой труд. И в этом смысле праздник это такая страда.

Когда праздник уходит, вот у священнослужителя наступает отдых. Но праздник это труд, это не праздник, в таком прямом смысле слова. Но все-таки, когда мы говорим про праздник, то мы часто представляем себе такие вот наши обыденные праздники.

Например, Новый год, Пасха, Рождество, День ангела, День рождения, юбилей, День свадьбы, ну еще что-нибудь такое. То есть те праздники, которые действительно мы празднуем, которые приносят нам радость, к которым мы готовимся. Важная часть праздника это подготовка.

Сейчас будем об этом говорить. Итак, праздник. Кто празднует?

Кто веселится, а кто нет? Вот есть люди, которые не празднуют ни Новый год, ни Дни рождения. Есть семьи, в которых праздновать вообще что-либо не принято.

Когда приходят гости, тогда другое дело. Гости пришли, вот там бутылка на стол, салат, пироги. Это повод.

А вот сам по себе праздник это не повод. И уверяю вас, есть очень много семейств, где Дни рождения, Дни ангелов не отмечают. То есть нет никого праздновать, совсем никакого.

Но вот если гости приходят, то другое дело. То есть какие-то события прагматического характера. А есть люди, у которых празднование за празднованием идет, и люди очень любят, и что-то готовят, и убирают, и приглашают, и песни поют, и очень радостно бывает всегда всем пришедшим на праздник.

Я думаю, что и то, и другое имеет смысл разобрать, почему люди любят праздники, почему люди не любят. И там, и в том, и в другом случае есть определенный смысл этого всего дела. Какой же смысл?

Ну давайте разбираться по порядку. Значит, во-первых, у нас есть праздники семейные. Дни рождения, Дни ангела, Дни свадьбы.

Поминки не отнесешь, годовщины к праздникам. Но тем не менее, они внешне похожи на праздники. Их тоже надо включить сюда, хотя это в собственном смысле там праздновать нечего.

Но тем не менее, они тоже собирают нас всех вместе. Есть праздники церковные, которые общесоциальные, общерелигиозные. Рождество, Пасха, другие праздники.

У кого-то важнее в Доме Казанской, у кого-то важнее Троица или Преображение, у кого-то что-то другое. Есть гражданские праздники, Новый год. Для кого-то 1 мая это праздник, а для кого-то нет.

Есть производственные праздники, там все строители отмечают День строителя или, например, День железнодорожника, День врача и так профессиональные всякие. Ну и юбилей, скажем, День Победы. Это юбилей окончания войны и торжества Советской Армии.

Есть 8 марта, есть 23 февраля тоже. Праздники гражданские, политические, одновременно несоциальные. То есть разные.

Стало быть, разный смысл. А у всех людей есть свой смысл к праздникам. Для кого-то, скажем, 8 марта это праздник, а День Ангела нет.

Кто-то празднует Новый год, но не празднует Пасху. Кто-то празднует Пасху и не празднует Новый год. Наоборот.

Есть люди, которые чтят до сих пор 7 ноября как День революции, а многие люди вообще даже не знают, что в этот день произошло. Ну и так далее. То есть люди по-разному относятся к праздникам с точки зрения их смысла.

Давайте разберемся, значит, что такое, скажем, День Рождения. День Рождения это годовщина. Вот это слово очень важное для нас будет.

Годовщина. То есть это знак годового круга. Годовщина рождения младенца в семье.

Например, мой день рождения это годовщина моего рождения на свет. Вот. День рождения это годовщина.

А вот День Ангела это не годовщина, но тоже имеет отношение к годовому кругу, потому что это ежегодная память святого, в честь которого я назван. Ну, святых, как вы знаете, может быть, несколько раз в году. И есть люди,

которые празднуют День Ангела столько раз, сколько этот святой празднуется.

Например, там святитель Николай, зимний и летний, в декабре-май. А есть еще какие-то дни, там Михайлов тоже два, ну и так далее. И они празднуют.

То есть дело не в календаре, а дело в имени, дело в личности святого. Есть люди, которые празднуют День Ангела только один день. Это вот день, когда их крестили или день, в честь которого нарекли, и все.

Но это память не годовщина, это память все-таки святого. В День Ангела мы празднуем святого. Память святого, в честь которого имя носим.

Даже иногда называем его День моего Ангела. На самом деле это не Ангел, а День моего святого. Потому что Ангел это другое существо, служебное существо, не человек, а святой это человек.

Значит, мы празднуем День своего святого. И это важное отличие. А если мы празднуем Новый год, это что?

А это годовщина начала календарного новолетия, ничего больше. И исторически этого праздника, конечно, нет в нашей истории. Не в чьей истории.

То есть Нового года как такового праздника, его очень долго не существовало. В России до революции, как вы знаете, этот праздник был второстепенным. И он был праздником скорее все-таки городской элиты.

Актеров, писателей. Но это был праздник такой социальный, не домашний. Домашним праздником было Рождество.

И по старому календарю, то есть по юлианскому календарю, сначала было Рождество, потом Новый год. Все основное самое торжественное было в Рождество. Новый год был просто таким зеркальцем Рождества.

После революции все поменялось. Рождество было запрещено праздновать. И вместо Рождества был использован Новый год как главное торжество.

И то не сразу. Началось это примерно уже не сразу после революции, а лет через 15 после революции. В 36 году появились опять елки.

Но елки теперь уже были не рождественские, а новогодние. И так Новый год, как замещение Рождества, возник в СССР постановлением партии правительства. Как все в СССР происходило, естественно.

И он стал праздником. И это тот самый случай, Новый год, когда праздник стал не просто народным, он стал семейным. Не у всех, конечно, но для большинства.

И он оброс своими традициями, он оброс своими обычаями, своей историей, своей литературы, своей кинематографии. То есть вот за сто лет советской власти Новый год превратился в совершенно новый, очень знаменательную, очень сильную, очень яркую и я бы сказал радостную традицию. Во-первых, в Новый год нет никакого исторического события.

Скажем, там 1 мая это исторические события, восстания, демонстрации рабочих в Чикаго. 8 марта это там Клара Цепкин и Роза Люксембург, это движение суфражисток какого-то там 1900 какого-то года. Ну и так далее.

23 февраля это связано с революционными событиями, 7 ноября, 1 мая и так далее. Это все исторические события. У Нового года никакой нет исторической подоплетки.

Совершенно. Он индифферентен с точки зрения политики, идеологии, он не связан ни с чем. Да, когда-то Новый год как сопротивление Рождеству был идеологией, идеологией атеизма.

И как таковой был придуман, вместо святителя Николая был придуман Дед Мороз, потом была придумана Снегурочка вместо Божьей Матери. Елка, она вообще так сказать придумывать ничего не надо, она ничего не олицетворяет в ровном счете. Звезда восьмиконечная, которая была принята православной церкви на макушке елки, заменилась пятиконечной большевистской звездой.

Кстати звезда тоже не с самого начала была большевистской. Это был символ, который большевики взяли из Российской армии. Там уже в русской армии с начала века применялась звезда как знак отличия на погонах.

Так что это тоже было заимствовано. Но тем не менее все сошлось и Новый год произошел. И в силу, может быть в силу того, что Новый год никакого не несет исторического, никакого идеологического, никакого смыслового значения не несет, он стал таким легким.

Празднование Нового года отличается одним только весельем. Это его смысл веселиться и радоваться тому, что календарь, вот мы можем открыть календарь и будет Новый год. Новый год взял от Рождества подарки, взял от Рождества время праздника, 12 часов ночи по местному времени, пир горой, шампанское и гулянку всю ночь.

В том числе, кстати говоря, и салют, петарды, все прочее. Это тоже от Рождества. И вот этот праздник у нас в Советском Союзе утвердился.

В других странах он долгое время не приживался, но сегодня и во всех странах мира, постхристианских странах мира, потому что Азия, Индия живет совершенно по-другому, они тоже взяли от Европы и Америки Новый год, но не в такой степени, как это принято у нас. Значит, это все-таки не все человечество так рьяно празднует Новый год. И Новый год стал праздником.

Я тоже люблю Новый год, поскольку для священника это единственный, наверное, праздник в году, когда можно провести его с семьей. Потому что обычно все праздники священник проводит в алтаре и его нет. Семья не видит священника дома, ни диакона, ни священника.

Вот с тех пор, как я стал диаконом, а это было многие годы назад, в 88 году, семья моя все праздники проводила без меня, церковные праздники. А вот, ну и не ангелы тоже, естественно, потому что это служба прежде всего. А вот Новый год священник свободен.

И, ну, не всегда, потому что иногда я служил рано утром 1 января и, значит, не мог праздновать вместе со всей семьей. А вот когда мог, это, значит, вот был такой домашний праздник. И я тоже его люблю, потому что это то время, когда я могу провести с семьей.

Для меня это очень значимо и очень приятно. Вот, и этот праздник чистый, такой чистый семейно-родовой праздник. Ничего нету политического.

Хотя теперь появилось вот это выступление, новогоднее выступление, поздравление там президента или еще кого-нибудь. Но это такая поздняя традиция. Все-таки в самом новогоднем ритуале это такая дополнительная традиция, так же, как, скажем, бой курантов.

Вот, это более поздняя традиция. Так Новый год, он, в общем говоря, ничего такого не подразумевает в своей основе. Просто вот 12 часов и 12 часов.

Есть люди, которые не могут бой курантов слушать, но у них есть часы какие-нибудь, вот 12. Это начало поздравления. Что же такое праздник?

Некоторые говорят, праздник это просто застолье. Значит, вот мы готовимся, готовимся, готовимся, готовимся к празднику. Мы режем салаты, готовим напитки, пироги, там все такое прочее.

И потом едим, пьем, пьем, едим, едим, пьем, веселимся. Где-то поют, где-то танцуют. Ну, в общем, весь праздник в этом заключается.

Если это так, то тогда обосновано отношение многих людей к таким праздникам с произведением. Говорят, нет, а мы не хотим. Мы не хотим наедаться, мы не хотим напиваться.

И смысл-то какой? Ну, вот мы приготовили все, поставили на стол, сели, съели, разошлись. Это праздник?

Другой человек скажет, нет, это не праздник. А в чем тогда праздник? А праздник – это вот торжество.

А в чем торжество? Ну, вот мы одели галстук, женщины красивые платья, бусы накрались, мужчины, так сказать, тоже себя прибрали. Вот мы сели, все торжественно.

И что? И вот тут возникает вопрос, а что тогда вообще в празднике в домашних условиях? Я же не говорю про то, как это на богослужение или как это там принято в профессиональной среде.

Я про домашнюю среду. Что должно быть в праздник, собственно говоря, центром праздника? Шампанское?

Пироги? Салаты? Что должно быть?

И вот тут давайте припомним, что бывает у вас дома. Вот в старшем поколении, старше моего поколения, обязательно в праздники были такие семейные тосты. И тосты произносили старшие в доме.

Ну, скажем, там отец, дед, тесть, свекор, бабушка могла, прабабушка. В общем, кто мог. Но этот тост должен был быть как бы таким пусковым моментом.

Он был серьезный. Он был пусковым моментом праздника. Дальше были другие тосты, но их значение потихонечку-потихонечку убывало.

Но тосты были содержанием праздника. Вот интересный опыт я получил, когда я впервые увидел День Благодарения в США. Я был летом, а День Благодарения это был ноябрь.

И я задал вопрос моим хозяевам, которые меня принимали. А принимали меня профессора университетов христианской психологии. В Лос-Анджелесе 7 было таких заведений, университетов, где были факультеты христианской психологии.

И вот которые меня пригласили посетить, познакомиться, поездить. Только в Лос-Анджелесе, больше нигде. И вот там одна семья согласилась, вернее так они решили, давайте мы для гостей из России устроим празднование Дня Благодарения, как мы это делаем, но не в День Благодарения, а просто вот ради гостя.

И меня пригласили, сказали, вот сейчас будет все как в День Благодарения. Я не ожидал, я сначала не понял, в чем суть. А вот что в чем суть.

Большой стол был, человек 12, я не помню. И со столом стояли обычные для Дня Благодарения блюда. Американский при.

Ну вы знаете, индейка, пирог из тыквы, значит яблочный пирог и картофель в каких-нибудь разных видах, брусничный соус. Оказывается, вот именно эта еда спасла первых пилигримов, они называют их там пилигримы, которые приехали в Америку из Европы и первую зиму ужасно голодали. И тогда индейцы, которые жили рядом, принесли им вот эту еду, тыкву, картофель, индейку, яблоки и бруснику.

И они выжили. Небольшая вот эта вот колония, которая жила первую зиму, может не первую, вторую, третью, но они выжили. И вот День Благодарения устраивается именно в честь вот этого Дня Выживания.

То есть День Благодарения — это благодарение за жизнь, за то, что с этого началась, собственно говоря, вот с этой маленькой колонии европейцев, англичан, началась жизнь Соединенных Штатов. Это 300 с чем-то лет назад произошло. Значит, что происходит?

Вот эти блюда — это как память о выживании, а дальше происходит очень интересное. День Благодарения устраивает фигурки. Фигурки людей, как правило, это фигурки, как вот у нас, мы ставим фигурки на Рождество Иисуса, то есть Божией Матери с младенцем, потом там ставятся пастухи, там барашки, Иосиф и так далее.

Вот также на День Благодарения ставятся фигурки пилигримов, то есть те, кто приехал в Соединенные Штаты. То есть это фигурки мужчин и женщин, которые одеты по времени XVIII века. И дальше самое интересное.

Старший в доме, дедушка или отец, он берет фигурку эту и кратко напоминает тем собравшимся, в честь чего они собрались и вот эту самую историю, которую я сейчас пересказал вам. И дальше, вот после того, как он расскажет эту историю, они молятся. И он говорит, ну поскольку это протестанты в основном были, там были католики, были протестанты.

Они по-разному, кстати говоря, молятся и по-разному это День Благодарения, но вот эти общие правила у них остаются. Они благодарят Бога за то, что они выжили, за то, что эти индейцы и вот эти блюда сохранили им жизнь. Они выжили и они победили смерть.

Для них это как Пасха, как переход евреев через Красное море. И после этого начинается веселье. Итак, значит, а что у нас происходит на Пасху?

Я сейчас не беру еврейскую Пасху в писях, потому что там есть сложный довольно церемониал. А у нас, например, Рождество. Рождество мы все первым делом вспоминаем родившегося младенца, поем песнопение, которое воспроизводит этот исторический факт.

И если в доме есть такая традиция, кто-то произносит тост, посвященный Рождеству и так далее. А если это день рождения, кто-то старший, кому доверяют первый тост, он встает и говорит, мы сегодня собрались по поводу этого человека, который он родился. Ему 12 лет, ему 50 лет.

Или это женщине, которая исполнилось 30 лет и так далее. Мы вспоминаем ее рождение, вспоминаем ее мать, которая родила ее и так далее. Значит, смотрите, начало праздника, кульминация праздника – это воспоминания события.

Это не просто воспоминания, потому что тост имеет структуру молитвы. Посмотрите сами. Тости всегда есть.

Мы здесь собравшиеся, обычно говорит человек или я, я пришел, я хочу вам сказать. И дальше разворачивается вторая часть тоста – историческая часть. Дальше делаются из нее какие-то выводы.

Так вот, значит, нам нужно быть благодарными или что-то такое. Наконец, пожелания. Выпьем же за здоровье этого человека, чтобы он там прожил еще много.

Или возблагодарим Господа Бога за то, что нам даровано было это. И дальше в конце что-то вроде заключительной части. Там кто-то «Ура», кто-то «Аминь», кто-то «Да здравствует, да будет», ну и так далее.

Пяти частная структура такая же, как и структура молитвы. По священнику Павлу Флоренскому, как он разбирал это в философии в лекциях по культу 1918 года, структуру молитвы. Так вот, значит, центром любого праздника домашнего является вот это провозглашение смысла.

Оно похоже на молитву. Любой тост – это редуцированная молитва. Так что тост – это не просто такая штука.

Значит, в центре праздника есть озвучивание смысла. Но что такое озвучивание? Озвучивание или произнесение тоста, спитча, обращения, лекций и так далее.

Что это такое? Это, с одной стороны, воспоминания. С другой стороны, это анализ, какой смысл имеет то или иное событие.

Это какое-то обобщение такое. То есть это что-то такое вроде бы метафоры, миссии этого смысла. То есть это не просто обобщение события.

И вот что произошло, благодаря чему мы собрались здесь. Нет, мы еще говорим. Это дало нам, это позволило нам, это приносит нам радость, это приносит нам то-то.

То есть некая миссия. И, наконец, вывод. Что же мы делаем?

Мы желаем друг другу долгих лет жизни, многое лето поем. Мы благодарим друг друга. Мы произносим какие-то торжества и так далее.

Это светская часть. А если религиозная, то тогда мы благодарим Бога за события, за человека, за юбилей, за благодеяние и так далее. То есть в центре оказывается благодарение словесное.

Его надо произнести. Потому что если мы все, собравшиеся на праздник, знаем, почему мы собрались. У нас есть для этого определенная подготовка.

Мы все единомысленно собираемся. Например, Новый год. Да, мы знаем, что Новый год.

Но праздник – это есть некий ритуал. И в этом ритуале есть центр. Центр – это словесное вознесение, словесное произношение, действие, совершаемое словом.

Действие, совершаемое словом. Это очень важно. И это действие, совершаемое словом, то есть тост или молитва, она должна быть не просто обращена к людям.

Она должна и быть тем нашим общим делом. То есть это такое литургическое, общее дело. Мы собираемся, мы в этот момент, когда произносится кем-то одним тост или молитва, мы становимся неким целым.

И это целое наше сообщество за столом в этот момент, можно сказать, семья, единый организм, единое тело, духовное.

[Говорящий 4]

И мы, наше благодарение и наши чувства, нашу радость и наши смыслы возносим выше нас.

[Говорящий 1]

То есть, иными словами, праздник – это возношение. Праздник – это соединение и вознесение анафора. То есть мы смысл этот возносим от обыденности в сферы более высокие.

С религиозной точки зрения – это благодарение. С светской точки зрения – это некая метапозиция, но все-таки она возвышенная, в которой мы выделяем смысл, мы выделяем миссию. Ну, например, просто светское юбилей.

И празднуют, поздравляют человека, говорят ему всякие там красивые слова – тост, тост, тост. Но в каждом тосте есть что-то, что выделяет из обыденности обычное общение. Это праздник необычной общины.

Это экстраординарное общение между людьми, когда люди позволяют себе говорить друг другу прекрасные слова. Причем эти слова выделяют смысл. Смысл настолько возвышенный, что он обнимает собою всю жизнь человека.

Например, юбилей. Юбилей – это не просто разговор про вчера, про прошедший год, про прошедшие десятилетия. Это слова про все, про всех, про всю жизнь человека.

Какой он там ученый или писатель, или он там герой, или он там завод построил, или он памятник построил, или еще чего-нибудь. То есть это что-то такое значимое. Его события, его жизнь приподнимается ввысь, совершается такое возношение.

Значит, праздник – это не просто застолье. Праздник – это всегда смысл. И вот первый тезис мой, который я хочу сегодня вам предложить, что праздник – это всегда мета-позиция, это шаг вверх от обыденности к священному.

От обыденности к метафоре и к священному. То есть священное – это то, что выделяется из обыденности. То есть вот наша обыденность, допустим, полгода.

Но в это полгода у нас есть, например, праздник, преображение. Или у нас есть юбилей, или день ангела нашего какого-то дорогого друга, когда мы все собираемся, празднуем, произносим тосты, молитвы, благодарения и так далее. Значит, праздник, первое, что делает праздник, он в череду обыденных дней, будний, так сказать, будний, вырывает нас в вертикальный контекст, в котором нам можно подняться над обыденностью и стать торжествующим.

Мы в этот момент становимся не просто людьми, совершающими путь жизненный, а мы в этот момент совершаем что-то торжественное. Мы в этот момент цари и царицы. Мы в этот момент как ведущие актеры премьеры.

Мы в этот момент как священники, как пророки. То есть в этот момент в празднике все цари. В Рождество все немножко волхвы, как говорил Бродский.

Вот мы в Рождество, в праздник все становимся волхвами, то есть приносящими дары. В любой праздник мы становимся как бы царями и священниками. Вот что такое праздник.

Это восхождение от обыденности к торжеству жизни. Это первый тезис. Теперь давайте дальше посмотрим.

Праздник в нашем понимании это застолье. Причем застолье всегда настолько изобильное, что невозможно в обыденность. Так не бывает у нас каждый день.

Далеко не каждый день. И вот это изобилие оно само по себе очень радует. Люди, которые привыкли жить очень скромно, наш народ сотнями лет жил скромно и по-другому, собственно говоря, не было никакой другой возможности прожить праздником.

Всегда радовался, потому что на праздник можно было угоститься и полакомиться тем, что вообще-то говоря всегда было недоступным. Сейчас это труднее. Городской человек обеспеченный может обеспечить себе праздник каждый день.

То есть с точки зрения блюда или каких-то угощений он может устроить это. Каждый день все есть готовое. Он может себе это приготовить.

Он может это купить и обеспечить себе такой маленький праздник. Но в обыденной ситуации мы, конечно же, такого себе не позволяем. А если уж праздник, то мы готовим себе.

Типичный пример такого это, например, Пасха. То есть это куличи, паски, ягненок. То есть там мяса какие-то или еще там чего-нибудь.

Яйца, конечно. И все это, конечно, вызывает возбуждение и вызывает радование этим яствам, радование пиру. Если это Рождество, то там чего-то такого особенного нет.

Но, как правило, это все-таки много всего такого, чего невозможно было по 100. То есть Новый год это шампанское оливье в нашей советской традиции. В Америке это тоже индейка.

Где-то в Европе это рыба. Но это только в ночь под Рождество рыба. А на второй день, может быть, если это Северная Европа, это гуся.

Если это Южная Европа, то это барашек или еще что-нибудь. То есть традиции эти разные. Но суть все равно в том, что пир – это момент вынужденного веселья.

Тем более, что все это сдобривается большим количеством спиртного. То есть волей-неволей человек возбуждается к ликованию. Вот это хорошее славянское слово – ликование.

Лик – это люди, это компания. Лик – это люди, которые вместе произносят что-то. То есть раньше в церковно-славянском языке лик – это хор.

Хор тоже это греческое слово, которое означает люди. Хора – это люди. Хорос – это место, где стоит хор.

У нас в церквях раньше назывались хоры. На хорах это место. То есть тоже самое лик в славянском языке.

То есть это люди, которые вместе прославляют Бога. Так что ликование домашнее – это люди, собравшиеся вместе, чтобы благодарить и праздновать события. Благодарить Бога и праздновать какое-то событие.

Само слово праздновать – это очень интересно тоже. Праздность, праздник – это когда они работают. Работа – это проклятие, данное Адаму, Богом, при изгнании из рая.

Бог говорит, ты будешь добывать свой хлеб в поте лица своего, а земля будет тебе рождать колючки и ядовитые всякие травы. И это проклятие – работать в поте лица. То есть перенапряженно работать.

Слишком перенапряженно. Тут не до ликования. Это трудное, тяжелое дело.

Работать – это труд, это страдания. Долой страдания. Праздник – это без работы.

Это не просто отдых. Это именно ликование. То есть страдание на работе сменяется ликованием.

И вот это ликование, праздничное состояние, которое поддерживается, подпитывается богатыми яствами, столом и напитками, вот оно и есть такой второй тезис. Праздник – это всегда ликование. То есть радость.

Праздник – это радость. Вынужденная радость, подкрепленная радость. Но это радость.

Это второй тезис. Праздник – это всегда радость. Это очень важно.

Дальше, третий тезис. Он заключается в том, что праздник – это всегда собрание, это коллектив. Мы называем это гости.

Пригласить гостей, пойти в гости и так далее. И действительно, люди любят в праздник встречаться. Есть семьи, которые в праздник никого никогда не принимают.

И они только внутри, только для себя. Но семья собирается вся. Традиция собираться на праздники, она не просто древняя, она архидревняя.

Во все века человеческой истории праздники были и на праздники собиралась. Собиралась семья, собирались родственники, собирались знакомые. И всегда к семье примыкали люди, которые одинокие, жили рядом, или жили в семье, или работали.

Приглашали всегда и нищие, и приживалые, и нахлебники, и так далее. То есть разные были люди, которые приглашались на праздник. Потому что праздник – это коллективное дело.

Но коллективное не в том смысле, что коллектив собрал группу людей. А это семья, которая приглашает к себе, чтобы разделить радость. И действительно, когда приходит радость, когда большой праздник дома, хочется поделиться.

Это очень естественно. Еще раз, не для всех, но для большинства. Все-таки хочется поделиться.

Значит, тезис третьим заключается в том, что праздник есть собрание. Церковные праздники тоже есть собрание. Слово «эκκλeσιa», греческое слово, означающее «церковь», есть не что, а как собрание.

Собрание верное. Так что церковный праздник – это эκκлeσιa, собрание. Также и домашний праздник – это собрание.

Но собрание по поводу, ради чего? По поводу события. Но ради чего?

Ради того, чтобы ликовать, радоваться и благодарить. Тезис четвертый – праздник – это благодарение. Значит, праздник – это, во-первых, восхождение.

Во-вторых, праздник – это благодарение. Благодарение кого? Господу.

Праздник – это благодарение. За что? За жизнь, в первую очередь.

За конкретные благодеяния семьи или личности. Ребенок родился, урожай собрали, работу новую нашел человек. Благодарение за то, что в этот год все живы, здоровы, слава Богу.

Благодарение за то, что кто-то женился, вышел замуж. Благодарение за день, за ночь, за все. Для того, чтобы благодарение было таким серьезным, нужно подготовиться.

Конечно. Подготовка к празднику – это осмысление праздника. А что мы делаем?

Вот, например, юбилей. Юбилей – очень древнее понятие, ветхозаветное понятие, которое означает определенный цикл годов. Юбилейные празднования в Израиле были установлены еще при Соломоне.

И вот эти юбилейные годы – это были годы раз через 10 или 11 лет, не помню точно. А потом это стало уже ЕЖ-десятилетиями. То есть мы подбираем определенные числа, например, 15 лет, 25 лет, 30 лет.

То есть либо с ноликом на конце, либо с пятеркой на конце. То есть либо десятилетия, либо половина десятилетия. И таким образом мы подводим промежуточный итог.

Юбилей – это всегда промежуточный итог. Но носит он характер чего? Благодарение.

Благодарение за жизнь, что, например, человек прожил 60 лет. Вот значит юбилей – благодарение, что прожил 60 лет. Что такая вот жизнь, 60 лет – это круглая дата, как мы говорим.

Круглая в смысле нолика. Что это достижение, что человек прожил 60 лет – это здорово. И он накопил какое-то богатство, он стал каким-то успешным и так далее.

И мы благодарим за это Бога самого человека. И тогда наше благодарение становится смыслом. Мы должны этот смысл выделить, мы должны его сформулировать.

И мы должны понять значение, миссию этого юбилея или этого события. Но когда это праздники исторические – все понятно. Когда это праздники церковные – тут тоже все понятно.

А вот бывают, скажем, такие ситуации, когда юбилей человека. Надо эту миссию сочинить, придумать. Но есть еще семейные праздники.

Дни брака, дни знакомства. И вот тогда миссия конкретная. И когда семья празднует этот праздник, она как раз и называют.

Бывает так, иногда на праздник приходят гости и говорят – ой, а у вас праздник? А что празднуете? И тогда кто-то рассказывает этому человеку с такой миссианской целью.

Говорит, а вот у нас там праздник. Мы празднуем день знакомства, когда мы впервые увидели друг друга. Рассказывает, как это было, какие чувства, какие впечатления.

Это событие, которое привело к тому, что мы сейчас здесь вместе сидим. Наши близкие, родные тоже вместе с нами. А если бы этого встречи не было, то не было бы ничего.

И опять благодарение. Значит, смысл праздника должен быть подготовлен. Он должен быть.

Так вот, есть ли такой смысл? Люди сохраняют, выделяют и его празднуют, обозначают и проговаривают. А еще делают какой-нибудь слайд-фильм, фотографии, какие-то картинки, какие-то украшения соответствующие празднику.

Что-то еще. Может быть, какие-то придумывают игры или чтения, или воспоминания, или самые разные могут быть домашние изобретения для того, чтобы почтить день, память или события. Тогда еще, конечно, интереснее.

Когда содержание пронизывает всю встречу, весь праздничный день, праздничный вечер. Не только еда и питье, но еще и смысл. Вот тогда праздник становится аккумулятором огромной радостной энергии людей.

Тогда становится событием. Сам праздник становится событием. Потому что люди на таких праздниках получают огромную радость.

Для них это становится ресурсом преодоления трудностей, страданий. И ресурсом на будущие дни, недели и месяцы. Праздники насыщают людей радостью.

Насыщают людей силой духа. Насыщают людей энергией, которую они могут потом потратить. Значит, праздник – это важнейшее психотерапевтическое средство.

Важнейшее семейное психотерапевтическое средство. Но для этого должны быть все условия, которые я сказал. Значит, первое.

В празднике должна быть некоторая метапозиция. Праздник – это не будничное застолье. Праздник – это не просто утром поздравил кого-то, чмокнул в щечку и ушел на работу, и все.

Нет. Празднику нужно освободить время, собраться всем вместе, приготовиться всячески, украсить дом, стол, себя самих. Одеть торжественную одежду.

Как в церкви вы идете, вы идете в чем-то красивом, в чем-то торжественном. Так и тут. Торжество требует торжественной обстановки.

Эту обстановку нужно создавать. Праздник создается вами. Чем больше вы вкладываете энергии, изобретательности, любви в создание своего праздника, тем больше ресурс этот праздник вам даст.

Ресурс не только эмоциональный – поели, попили, повеселились, песни попели, потанцевали и разошлись. Но и смысловой, потому что слова молитвы, слова тостов запоминаются. Запоминаются и те события, которые на празднике.

На празднике бывает, когда собирается вся родня. Воспоминания, какие-то прошлые, какие-то открываются, особенно детям и внукам. Открываются какие-то секретки, которые раньше никто не произносил.

А теперь вот они, пожалуйста. На праздниках происходит знакомство, на праздниках увеличивается знание о своей семье, о своей истории. Конечно же, многие семейные праздники – это учебник истории.

Это историческая реконструкция, если хотите. То есть, допустим, юбилей свадьбы – это историческая реконструкция. Для детей, внуков и даже правнуков, если это, скажем, 50 лет совместной жизни там уже и правнуки могут быть.

Это восстановление прошлого, чего, конечно, они могли не знать, не видеть и никогда даже не догадываться об этом. Существование этих фактов или этих лиц. Тут вдруг это все восстанавливается.

И то же самое, конечно, касается юбилеев, каких-то событий профессиональных, получения премии или назначения на новую работу, отъезда, приезда и так далее. Много всего прочего. То есть, вот этот семейный сбор праздничный, он имеет огромное значение и в судьбе всей семьи.

То есть, вот эти праздничные встречи, когда большая семья собирается, расширенная семья, они не так-то часто удаются. Кому-то, кто-то привык часто собираться, и слава богу, но для многих семей вообще такой сбор большой – это крайне редкость. Мы постфактом вспоминаем, что у нас был сбор, а такого уже 5 лет нет.

Уже многие умерли из того, кто собирался. И грустим, и вспоминаем. Но как это неожиданно было, когда собрались много, а потом не собирались многие годы.

У меня очень большая семья, и вместе мы никогда не собирались все. Но вот были такие события, когда вдруг неожиданно мы собрались у кого-то из родственников и увиделись, и больше этого повториться в ближайшее время просто не может. И вспоминаешь с такой теплотой и благодарностью, как же это было здорово, что она нас всех собрала и пригласила вместе с мужем.

И как здорово, что мы все повидались, мы что-то говорили, обсуждали и так далее, и так далее. Как же все это важно и важно было бы для детей, для внуков, если бы мы собрались все там вместе, и это было бы что-то очень значимое. Но не всегда это возможно.

Собрать праздник – это большая работа. Надо всех обзвонить, надо со всеми договориться, списаться, получить согласие, помочь там найти место, адреса телефона, как проехать, как встретить, как узнать друг друга иногда нужно. И кто-то боится, что не хватит еды, кто-то боится, что не хватит питья, где сесть, где лечь, где машины поставить, куда сложить одежду.

Это, конечно же, очень много трудов и очень много забот. Но для большинства людей эти торжественные праздничные заботы – это что-то очень приятное. Трудное, но приятное.

И, наконец, проведение самого праздника – это тоже очень серьезная вещь. И вот застолье – это очень любопытная штука. Я сейчас об этом расскажу,

потому что мы в нашем институте, в нашей семинарской работе пользуемся такой методикой, которая как раз про застолье.

Но сначала я хочу ответить на ваши вопросы, которые накопились. И потом вернусь к теме застолья. Если забуду, вы мне, пожалуйста, напомните.

Итак, Светлана спрашивает, жизнелюбие воспитуемо в сознании или это данность психотипа или характера? Ну, конечно, воспитуемо. Потому что что такое жизнелюбие?

Любить жизнь. А жизнь, она откуда берется? Жизнь берется из мамы.

Мама дает жизнь. Помните, как Адам назвал Еву? Он назвал ее Ева, потому что она дает жизнь.

Значит, жизнелюбие – это любовь к маме. Ребенок от мамы зависит 100%. Когда ребенок рождается, он целиком и полностью, его жизнь, в буквальном смысле слов, в физическом и физиологическом смысле слов, зависит от мамы.

Ему жизнь дает мама. Ребенок жизнь получает от мамы, из мамы и от мамы. И первоначальное младенчество до года, оно связано физически, физиологически и связано с мамой.

Потом, по мере роста ребенка, ребенок отходит от мамы все дальше и дальше. Но он уносит с собой эту радость общения с мамой, как дающую жизнь. Значит, жизнелюбие воспитывается, дается ребенку буквально с молоком матери.

Значит, какой будет ребенок жизнелюбивым? Кто был вовремя кормлен, вовремя согрет, вовремя взят на руки, вовремя ему улыбались, вовремя его носили на руках, когда он плакал и у него болел или живот, или ухо, или голова, или что, мы не знаем. Он просто плакал, вовремя улыбались и так далее, и так далее.

То есть, когда ребенок, причем все это он получал не от нянечки, медсестры или воспитателя, а он получал от мамы. Мама, которую знал по запаху, которую он слышал еще в утробе, ее голос, звук ее сердца. Мама, которая его брала груди и теплоту тела, он ее знает.

И вот такой ребенок он будет жизнелюбив. Мама не тревожилась, не сходила с ума, не впадала в депрессию, не убегала на работу. Мама,

которая была все цела с ребенком и которая могла отдать за этот год, то есть за беременность плюс год, ребенку столько, сколько ему было необходимо.

И тогда вот это жизнелюбие, оно по сути дела является приобретенным. Не врожденным, но приобретенным. А как настроить себя на ежедневный жизнелюбие?

А вот если у вас такого опыта младенческого было недостаточно, предположим, например, мам не кормили. Или мама лежала в больнице после родов. Или мама вышла на работу, очень рано нужно было зарабатывать.

Или мама была в тревоге, или мама была в разводе, или чего-чего-нибудь. То есть мама была пропитана тревогой. Тогда у ребенка жизнелюбия нет, потому что жизнь ему вошла в его тело как тревога, как страх.

Очень трудно такому ребенку владеть жизнелюбие. Как настроить себе ежедневное жизнелюбие? А вот как младенца можно настроить на жизнелюбие?

Вовремя кормить, вовремя пеленать, вовремя согревать, вовремя брать на ручки. Вот так и себя. Каждый день.

Только вовремя все делать. Следить за всеми потребностями души. А у взрослого еще много потребностей.

Поговорить, порадовать, посмотреть, подышать, уединиться, побыть с кем-то вместе, ну и так далее. Как отличить жизнелюбие от оптимизма, бодрячества, как уход от реальности? Ну, видимо, тут вы имеете в виду некую такую искусственную настройку себя.

Подлинное жизнелюбие, оно не нуждается в такой настройке. Оно как бы изнутри идет. Но если такого жизнелюбия почему-либо не сформировалось в раннем младенческом возрасте, то да, можно его себе каким-то образом воспроизводить тем же самооптимизмом и бодрячеством.

Но только надо понимать, что это всего лишь средство. И человек не является на самом деле оптимистом и бодрячком. Ну, взрослый таким хочет казаться.

Но может быть, другая сторона бодрячества, как вы говорите, или оптимизма, вполне возможно, что это способ самого себя сделать

жизнелюбным. То есть такой опосредованным способом себе утвердить жизнелюбие. Возможно, так бывает.

Есть ли какие-то ступени в развитии жизнелюбия? Да, начинать нужно с простого, с ощущения. Чистая вода, безопасная, вкусная вода.

Чистый воздух, чистый воздух, не городской. Свежий воздух, хорошие продукты. Вовремя кофейку попить, вовремя супчику поесть, вовремя съесть бутерброд.

То есть не томить себя голодом, вовремя сходить в туалет, вовремя прогуляться, вовремя размяться после сидения долгого у компьютера. Иными словами, начинать всё снизу, с ощущений. Любимая работа, любимая деятельность, встреча с любимыми друзьями, близкие семьи.

Всё это жизнелюбие. Жизнь. Любить жизнь.

А жизнь соткана из таких вещей. Если есть, то какие шаги? Я назвал ступени.

Возможно ли жизнелюбие без веры? Да, возможно. Но всё-таки вера даёт больше основ для жизнелюбия, если вы не убиваете веру своим излишним аскетизмом неуместным.

Депрессия и радость жизни – это прямые противоположности. Ну да. Понимаете, при депрессии человек не может радоваться.

То есть депрессия парализует место души радования. Но в депрессии и любовь уходит. Депрессия душит и любовь, и радость, к сожалению.

Аскетика и жизнелюбие – они совместимы? Совместимы, только если они применимы в своё время. Понимаете, жизнелюбивый аскет, ему легче даётся даже самые тяжёлые аскетические подвиги.

Вот смотрите, преподобный Серафим Саровский – один из самых аскетичных подвижников 18-19 века. А его жизнелюбие – пример для всех. «Христос воскрес, радость моя!» Ну как же он?

Он ел одну сныть. И днём принимал людей и детей, и радовался, и смеялся, и говорил «радость моя». Значит, его аскеза нисколько не мешала его радости.

Значит, возможно. Жизнелюбие возможно. Почему в нашей культуре столько пословиц и поговорок, скажем так, о страхе перед радостью?

Ну, я, честно говоря, не знаю, о чём вы говорите, о страхе перед радостью. Но надо понимать, что пословицы и поговорки, вообще фольклор отражает характер жизни народа. В Средневековье, про которое нам доступно, в смысле литературы, письменности, в Средневековье у всех народов, с которыми мы живём, совместные или которые являются нашими соседями, оно было у всех очень жестоким.

Войны, кровопролитие, насилие у всех. И поэтому, я думаю, что и все сказки, и все пословицы, и все поговорки, весь фольклор всех народов, он несёт в себе печать страдания. При всём при этом, в том же самом фольклоре есть безудержное веселье, юмор, сарказм и пошло в том числе.

Так что в фольклоре вы найдёте всё. Другое дело, соотношение юмора и радости, страданий и пессимизма. Вообще-то, говоря, это предмет исследования.

Не знаю, чего больше. Не знаю, скажем, в нашей культуре. Пессимизм – это наш национальный черта, или так сложилось исторически.

Ну, конечно, исторически. Понимаете, что такое пессимизм? Пессимизм – это всё-таки отношение к будущему.

Что может человек знать о своём будущем? Ничего. Но у него есть определённые ожидания от будущего.

Например, вот я вырасту, я женюсь, у меня будут дети, у меня будут внуки, я буду их видеть, как они играют, как они прыгают, как они растут, и будет радость. Это не пессимизм, это оптимизм. Другая картина.

Когда я вырасту, я не буду жениться, потому что мне не хочется, чтобы мои дети страдали, чтобы мы с женой спорили, чтобы мы ругались, чтобы было страшно, чем кормить детей. Я не хочу, а вдруг начнётся война, их заберут в армию, они там погибнут, я буду плакать, жена будет плакать, и вся жизнь пропала. Вот это пессимизм.

То есть всё-таки пессимизм, оптимизм – это про отношение к будущему. Ну вот так условно можно сказать. Про настоящее тоже, но в большей степени это про отношение к будущему.

Как научиться радоваться, если в семье почти не радовались? Если вы ставите себе такую задачу – научиться радоваться, то вы научитесь, потому что радоваться можно всему. Солнышку, которая встаёт утром, и красивому закату, снежинки, каплям дождя, цветам, улыбкам детей и так далее.

Всего этого в вашей жизни много. Дружбе, приятельству, любви. Всего этого в жизни много.

Больше, меньше – это зависит от ситуации, состояния, от истории и так далее. Но так или иначе, всего этого в жизни... Можно ли этому научиться радоваться?

Конечно, можно. И задача в том, чтобы выделять, чему бы порадоваться, и наоборот складывать это, двигать в сторону, контейнировать, как говорят психологи, чтобы не печалиться, хотя печали много. Понимаете, в жизни всегда есть место счастьем и горем.

Счастьем и страданиям. Счастьем и наслаждением. Страданиям и наслаждением.

Всегда есть. Сколько, а это зависит от состояния. Во время войны мало бывает поводов для радования, но и тоже бывает.

Если это рабство, если это болезни, то тогда, да, слишком мало предметов для радости. Но все-таки есть. Вот родился ребенок.

Радость? Конечно, радость. Чему радоваться, если обстоятельства жизни тяжелые или человек болеет?

Каждому дню. Радость каждому часу, каждому прожитому смертельно больным человеком. Радость тому, что есть люди, которые страдают, сочувствуют, помогают.

Всему радоваться. Утверждение от психолога. «Живи, справимся» для меня пахнет неправдой, хотя очень жизнеутверждающе.

Ну, я не могу чего сказать, Анна, по поводу «Живи, справимся». Кто справимся? Вот «Живи», да, но я бы сказал все-таки, что с психологической точки зрения важнее не «Живи», как послание от меня к тебе, а послание к себе.

Утверждение своей жизни. «Быть и жить». Я выбираю жить.

Я выбираю жить и выбираю быть. И тогда антитезисом «Живи» будет «Я живу». «Я живу и предлагаю тебе жить вместе со мною».

«Я живу и ты живи». Вот так можно, да. «Справимся, не справимся» – это очень абстрактная такая вещь.

Есть ситуации, с которыми мы не можем справиться. Не можем, и все. Это ситуация, которая выше нас.

Но это не означает, что не жить. Страдать – да. Плакать – да.

Горевать – да. Но жить. Да, ситуация может и не разрешиться так, как ты хочешь благополучно.

Как бы эта фраза должна звучать с точки зрения православия. Я не думаю, что у православия здесь какая-то особенная точка зрения. Я думаю, что жить несмотря ни на что.

Вот так бы звучало. Но тут это не обязательно православная точка зрения. То есть вот как Виктор Франков говорил, который не был христианином, но был глубоко верующим человеком, он говорил «И все-таки сказать жизни – да».

Вот этот лозунг для нехристианина, но он для всех людей. «И все-таки сказать жизни – да». И с христианской, и с иудейской, и с исламской, вообще с человеческой точки зрения этот тезис совершенно верный.

«И все-таки сказать жизни – да». Все в руках Господа. Да, жизненутворяющая нота пропадает, я согласен.

Но все в руках Господа, который все передал нам. Вот так бы я сказал. Что вы думаете про позитивную психологию и аффирмацию?

Про аффирмацию я ничего не буду говорить. Это инструменты больше ничего. Инструменты.

Иногда он нужен, иногда им можно пользоваться, иногда не обязательно. Это как хотите. Позитивная психология.

Понимаете, позитивная психология возникла на почве критики психоанализа. Потому что психоанализ все-таки был методологически обоснован на психопатологиях, Фрейд был врач, и он занимался прежде

всего психопатологиями, а с другой стороны он был основан на проблемах детства, на психологических травмах детства, на неврозах, которые были основаны на детских травмах. И все развивалось в русле психопатологии.

То есть нормальной психологии не было, а была психопатология человеческой души. Возникло такое движение антипатологическое, то есть нормативная психология или позитивная психология. Позитивная психология появилась именно как альтернатива патопсихологии.

То есть это психология, которая изучает человека в нормативном, позитивном состоянии, не в негативном, не в неврозе, а в позитивном состоянии. Абрахам Маслоу это, скажем, тоже позитивная психология. и именно это его возражение было против психоанализа, Ролло Мэйя, даже Адлер, один из учеников Фрейда, он уже наставил на том, что мы должны рассматривать человека как позитивное существо.

Юнг, который тоже был учеником Фрейда, который разошелся, он говорит, что мы должны смотреть на человека не только как болезнь, а как человек, который развивается и счастлив бывает в своей жизни. Так что да, позитивная психология имеет свое обоснование, но, к сожалению, она развивается сейчас, но не так, как психопатология. Если человек причинил непоправимый вред другому, как возможно его развивать в себе жизнелюбие и радость, ведь это навсегда с ним.

Но тут надо различать все-таки, я думаю, если человек совершил убийство или сделал кого-то другого от человека инвалидом, калекой, то тогда да, есть необратимые вещи, которые мы вернуть никогда не сможем, и снять с человека ответственность за необратимый ущерб никогда не можем вернуть. И человек будет с этим жить с ответственностью, с чувством вины, с проклятием, будет с этим жить. Но это не означает, что он при этом не может быть счастливым человеком.

Может. Это требует, конечно, работы, это требует духовного подвига, но в каком-то локальном смысле он может быть счастливым при вот этом своем проклятии, ну так в кавычках, грубо говоря. Да, это очень трудно, но это возможно.

Жизнелюбие и жизнерадостность связаны с получаемым удовольствием, телесным или душевным. Вы знаете, связано, но ведь все-таки надо понимать, что удовольствие – это не радость. Удовольствие или отвращение – это две эмоциональные реакции, которые нам даны для того, чтобы контролировать свои состояния.

То есть, если человек эффективно и в достаточной мере удовлетворяет свои потребности, он чувствует удовольствие. Если он чувствует страдание, боль или отвращение, значит он свои потребности не удовлетворяет или удовлетворяет их неверно. Ну, например, человек ест или пьет что-нибудь ядовитое – горькое, кислое, слишком, какие-то ядовитые вещи – он испытывает отвращение.

Например, крепкий алкоголь у нормального человека, не пьющего, вызывает отвращение. Это нормально, потому что пить вещество, которое противопоказано человеку, то есть его организму, ненормально, поэтому чувствовать отвращение к алкоголю крепкому – это нормально. Получить отвращение от курения – это нормально.

Отвращение от боли – это нормально. Так что отвращение, боль – это сигналы, удовольствие – это сигналы. Удовольствие – это сигналы от того, что все правильно.

То есть, если вы едите пирожное, вам вкусно, желудок не болит, печенка не болит, Ничего, так сказать, плохого не происходит, всё хорошо. Удовольствие, отсутствие страдания – это признак того, что у вас с организмом всё превратилось в порядке. Это сигнал.

Эмоция сигнальная. Дети, выросшие в дефиците родительской любви, его отсутствие жизнерадостными быть не могут. Могут, но им будет трудно воспитать в себе жизнерадостность.

Это потребует искусственных усилий. И другими основаниями. Потому что в норме эта жизнерадостность, она закладывается в семье.

Если она в семье не заложена, значит, потом человеку придётся это в себе восполнять. Трудно, но возможно. Очень актуальный вопрос.

Напрямую зависит ли жизнелюбие от внутреннего состояния? Ну, жизнелюбие проявляется во внутренних состояниях, но жизнелюбие – это некоторая фундаментальная позиция по отношению к жизни. Жизнь – это ваша любовь, это ваше удовольствие, или жизнь – это ваше проклятие?

Это метапозиция, это стратегия человеческой души. Любить жизнь или не любить? Жизнь – это радость, это дар или это проклятие?

Это позиция. Зависит ли она от внутреннего состояния? Наоборот, она определяет внутреннее состояние.

Жизнелюбие определяет состояние. Или даже невербально транслировали, что жить тяжело, мучительно, страшно и опасно. Ну да, если у вас установка к жизни, что жизнь – это страдания, это применение, что это крест, то да, страшно и опасно.

А переться – не, значит, это всё слышко. Я согласен, да. Что включает в себя слово «любовь» в светском и духовном смысле?

Дмитрий, я бы сказал, что можно это всё словами Эриха Фрома. У Эриха Фрома есть замечательная книга, которая уже у нас в России издавалась шесть раз, шесть изданий претерпела – «Искусство любви». Вот там Эрих Фром говорит о том, что деятельная любовь, не просто чувство влюблённости, а деятельная любовь – это познание другого человека, познание любимого, внимание к нему, забота о нём, ответственность и уважение.

Пять слагаемых деятельной любви. И я бы сюда добавил ещё чувство родства. Любовь соединяет, она делает нас как бы родственниками.

Вот это определение не религиозное, светское. Но есть и другие определения. Златоуст говорит, что любовь – это сила, которая соединяет нас в единство.

Вот как он приводит пример муж и жена, брачное единство, когда двое становятся как одноплодь. Вот что такое любовь – это сила, соединяющая мужчину с женщиной. Но также можно сказать, соединяющая в дружбе двух людей, неважно, кто – мужчина или женщина.

Ну и так далее. Любовь детско-родительская – она тоже соединяющая силы. Так что определения есть и такие, и такие.

Все вроде бы вопросы, да? А у меня был в списке вопросов ещё отдельный. Но, наверное, он повторяет то, что я прочитал сейчас.

Да, всё то же самое. Хорошо, давайте тогда я ещё обещал поговорить про застолье. Застолье – это всё-таки стол.

То есть это место, за которым мы все сидим. И вот тут очень интересно. Каждый праздник предполагает свою географию застолья, как мы садимся за столом.

Современное застолье очень часто совершенно аморфное. То есть кто где сядет, там и сядет. А вот, скажем, традиционное застолье – в церкви всё очень ранжировано.

А в старых домах тоже всё очень ранжировано. Кто где сядет – это важно. Есть прежде всего место главы семейства или главы собрания.

Это человек, который будет вести это собрание или человек, который будет максимально уважаемый, старший, он сидит в каком-то центральном месте. Как это называется – во главу стола. Но у нас сейчас нет главы стола, такого понятия как бы.

Но это какое-то самое почитаемое место. А вот дальше гости рассаживаются либо по тому порядку, который заготовили хозяева. Вот они поставили вот это, вот это.

И дальше они говорят – вот ваше место тут, ваше место тут. Из чего исходят эти места? Ну, самое простое представление о том, что здесь рассаживаются по значимости.

Самый важный гость сидит вот в центре. Может быть, это хозяин дома. Может быть, это сторожи у этой семьи.

Там бабушка, дедушка, прадедушка, прабабушка. В общем, патриарх рода. А может быть, это, наоборот, самый важный человек, которому сегодня выделили это главное место.

А рядом сидят люди, которые чуть поменее значимые. Как на производстве сидит директор, замдиректора, парторг, профорг, а с другой стороны главный инженер, а потом мастера, а потом механик, ну и так бухгалтер главный. И так далее.

Точно так же и дома может сидеть супруга главного героя стола. А потом сидят, допустим, братья и сестры. Здесь родители.

Родители одной семьи, другой семьи. В общем, есть иерархия, понимаете? За столом есть иерархия.

Так вот, очень любопытно, а как же тогда праздничный стол рассаживается и как вот эта вот композиция? Ведь эта композиция является проекцией семейно-родовой иерархии. Там, где она, вообще говоря, соблюдается.

То, что иерархия есть в любой семье, это само по себе. Но есть люди, которые никакой иерархии не признают. Они считают, что патриархат, это пережитки прошлого, это все очень плохо и не надо соблюдать это и садятся аморфно кто как хочет.

Но, на мой взгляд, это важно, потому что семья, которая не соблюдает иерархию, это такая диспатия подросткового протеста, я бы так сказал. И она, конечно, не ведет к консолидации семьи. Наоборот, иерархическое устройство создает условия для консолидации.

Людям всегда важно примкнуть к стержню, зацепиться за что-то фундаментальное, за основу. Вы там написали, Анна, все зыбко. Аморфное застолье – зыбкое застолье.

В нем все рассыпается. Наоборот, построенное по какому-то принципу, застолье более крепкое, более стабильное. Всякая семья, основанная на каком-то стержне, она более стабильна и более долговечна.

А вот уже дальше могут быть самые разные варианты, которые дают свободу всем членам семьи общаться, пересаживаться, подсаживаться, менять места. Это, естественно, происходит, и тут нет никакой уже церемониальности. Но в основе своей праздничный стол – это всегда некоторые выражения семейной иерархии и одновременно семейной диагностики.

Если мы говорим, что праздник – это психотерапия, то места за столом – это психотерапевтические ниши, в которых мы можем получать свой ресурс, выражать себя или, наоборот, страдать и получать даже, может быть, травмы и унижения. Застолье может и унижить, может и возвысить. Вспомните в Евангелии притче Христа про застолье, когда придет господин и увидит раба не в праздничной одежде, он скажет «возьмите его вон и вергните в гиену огненную».

Почему ты пришел не в праздничной одежде? И по-другому он говорит, что тот, кто садится ближе, может быть пересажен подальше, и, наоборот, тот, кто садится дальше, его посадят ближе. Есть сваны, есть избранные.

Как много в Евангелии притч, отражающих иерархию человеческого застолья. Это очень непростая вещь. Приглядитесь к тому, как вы дома празднуете, как вы в гостях празднуете, как садитесь в ресторане, в кафе на юбилеях.

Производство не все. Там есть структура формальная, там это уже другая вещь. А домашняя структура застолья очень интересная, она отражает подлинную динамику, внутреннюю динамику семейных событий.

Был ли Иисус Христос жизнелюбив? Смеялся ли он? Да, конечно.

Жизнелюбив, наверное, вы можете сами себе ответить, потому что в Евангелии очень много жизнелюбия Христа, которое он проявлял. Например, свадьба в Кане Галилейской. Что же это разве не жизнелюбие, когда Христос умножает вино?

Конечно. Если он постоянно приходил, исцелял, утешал, успокаивал людей, возвращал им здоровье, разве это не было жизнелюбие? Разве не был жизнелюбив, когда он исцелял прокаженных, когда он исцелял кровоточивую?

Конечно. Смеялся ли он в таком смысле, как это слово смех? Нет.

Мы не встречаем в Евангелии ни одного упоминания, что Иисус засмеялся в ответ или там что-то. Нет. Но с другой стороны, посмотрите на его притчи.

Многие притчи с большой иронией и сарказмом. Он говорит и про фарисеев, и про книжников, про знатных людей. Он постоянно произносит притчи, в которых он насмехается над ними.

Помните эти притчи про деньги, про статир, про кесарю-кесарю? Это не насмешка. Вот это кесарю-кесарево – это же ирония, это же анекдот, по сути дела.

И таких он рассказывает немало. Иисус проявляет гнев, проявляет и смех. Он иногда очень детские шутки отпускал про книжников и фарисеев, про своих даже учеников.

Он иногда говорил с такой как бы как-то с иронией. Радость – это результат преодоления трудностей? Нет.

Радость – это естественное проявление души. Смотрите на ребёнка. Ребёнок просто радуется, просто потому что он есть.

Вот он проснулся, он бежит к игрушкам, начинает играть. Он просто радуется. Ему ничего для этого не надо.

Никаких трудностей он не преодолевает. Нет, это не воскресенье после распятия. Воскресенье после распятия – это метаморфоз.

То есть смена форм, смена форм жизни. А радость – это проявление жизни, само непосредственное проявление жизни. Вот.

Ну что же, давайте так пришло время задать вопрос в лицо. Подключайте камеры и скажите, что вы думаете про всё это. Или задайте вопрос вслух.

Прошу вас.

[Говорящий 2]

Могу я задать вопрос?

[Говорящий 1]

Да, пожалуйста.

[Говорящий 2]

У меня, когда я вчера делала анонс на Фейсбуке, возникло большое смущение, потому что было много замечаний о событии в Казани, трагического содержания. И очень прямо я была не уверена с этой своей радостной картинкой. Уже собиралась даже вам писать, уместно ли наш семинар.

Но почему-то мне представилось, что вы скажете, вот и хорошо, будем обсуждать, как радоваться в случае трагедии. Трагедия никогда не закончится. Не знаю, это правильно?

[Говорящий 1]

Я, например, очень порадовался сегодня сообщением, или вчера, я уже не помню. Вчера, по-моему, сообщением про двух учительниц погибших. Они проявили себя просто героями настоящими.

И вы знаете, у меня это вызывает просто торжество. Это действительно радость, потому что эти две женщины, молодая и немолодая, одну ей 26, другой 55, они совершили подвиг. Вот просто подвиг на одном дыхании.

Там не было... У них на выбор были доли секунды. И они выбрали подвиг.

Это так здорово. Ну просто, ну да. При всем том, что они погибли.

Погибли еще семеро детей. Ну, детей, подростков. Но это же подвижники.

Это герои. Я не знаю, наградит их президент, не наградит. А для меня это герой России.

Ну как же это не радость?

[Говорящий 2]

Ну я... Да, то есть в любой ситуации можно найти повод для радости.

[Говорящий 1]

Я не знаю в любой или... Может быть и не в любой. Ну например, там вот...

Какую радость найти в том, что миллион тонн нефти вылился в тундру? Ну какая там радость? Не знаю.

Нет, не всегда можно найти радость. Не всегда. Есть трагедии, в которых...

Ну, ничего не придумаешь. Трагедия здесь трагедия.

[Говорящий 2]

Я даже имела в виду, есть ли ситуации, когда радость неуместна? То есть вот у людей сейчас горе, а мы о радости говорим. Это не является неэтичным?

[Говорящий 1]

Ну, если бы мы пригласили с вами сюда родители потерявших своих детей, то да. Но... Так сказать, мы как бы...

Мы не идем к ним на панихиду, на домашние поминки со своей радостной темой и не поднимаем тост за радость за их поминальным столом, если у них там такие есть. Я просто не знаю, как татары совершают поминания, есть ли у них там такие трапезы или нет, как у нас. Но у нас-то ведь...

Мы далеки от этого. Если бы действительно у нас был бы объявлен траур и мы тогда бы поставили с вами задачу наши семинары использовать как траурную церемонию, тогда да. Тогда бы так делали.

Да. Дмитрий, вы что-то хотите спросить или сказать?

[Говорящий 5]

Нет, только благодарность. Благодарность вам.

[Говорящий 1]

Да. Вот благодарность, это я бы сказал так, что главная задача праздника – это благодарность.

[Говорящий 5]

Да.

[Говорящий 1]

Спасибо. Для этого мы собираемся. Хорошо.

Еще какие вопросы, какие... Как приятно смотреть ваши лица, а то все передо мной только черный экран.

[Говорящий 3]

А я только со звуком, у меня не включается почему-то видео, нажимаю на камеру на ноутбуке, у меня не включается...

[Говорящий 1]

И, Лира, ваш голос, как ваши глаза, так что я их представляю.

[Говорящий 3]

Я даже подумала, может, функция эта не включена, включите, зрители, не могу понять. У меня перечеркнуто все здесь. Ну, я, во-первых, безумно рада всегда вас видеть, отец Андрей, и слышать.

И тоже вас поздравляю с воскресеньем Христовым и всем желаю, кто сегодня тут с нами, быть жизнелюбивыми, поддерживать друг друга, дарить друг другу сердечные слова, минуты счастья. А вам, отец Андрей, прям огромный низкий поклон. И, Лира, у меня тянется рука прям поднять какой-нибудь...

Да-да-да. Это тост. Выпьем сегодня все по чашечке чая с лимончиком за ваше здоровье.

Спасибо вам. Спасибо, Лира. Спасибо.

Отключаюсь.

[Говорящий 1]

Я так понимаю, что больше нет желающих, да? Ну, хорошо. Тогда, значит, мы встречаемся через неделю, 20 мая.

И у нас какая тема будет, Елена?

[Говорящий 2]

У нас тема будет про семью, философию семьи и рода, какой смысл брака, мотивация брака.

[Говорящий 1]

Отличная тема. Семейный психолог я очень люблю. Ну что же, готовьте вопрос к следующему разу про семью и про брак.

И будем спорить, будем выяснять. Спасибо. Спасибо.

До встречи. С Богом. Берегите себя.